

Оглавление

Воззвание	13
Глава 1. От альфы до омеги	34
Глава 2. А как в имени Афина	62
Глава 3. Живой или мертвый	91
Глава 4. Дорогая Деметра	127
Глава 5. Склонность к трагедиям	157
Глава 6. Плавая с Афродитой	188
Глава 7. Современный Акрополь	219
Глава 8. Море! Море!	248
Благодарности	274
Приложение. Греческий алфавит	279

Воззвание

Воспой со мной, муза, все греческое, что будоражит воображение, услаждает чувства и возвышает жизнь смертных; пой о том, что есть на земле уже больше трех тысяч лет со времен еще прежде Гомера; о вещах, которые тогда были старыми, а сейчас стали новыми, — о вечных ценностях. Пожалуйста, муза, я же не слишком много прошу.

Я не знаю, с чего я решила, что мне даются иностранные языки. В старших классах у меня были довольно посредственные успехи во французском, хотя мне ужасно хотелось учиться в Сорбонне, а не на берегах Кайахоги¹. Когда я была в пятом классе, мой отец не разрешил мне изучать латынь. Монахини тщательнейшим образом отобрали нескольких учеников для занятий по субботам. Мне ужасно хотелось быть среди них, но папа отрезал: «Нет». Отец был прагматиком. День через два он работал в пожарном депо, а еще у него были золотые руки:

¹ Река на северо-востоке штата Огайо. Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.

он мог починить кровлю и водопроводные трубы, положить линолеум, был прекрасным плотником. Отец вырос во времена Великой депрессии, когда работы не хватало, поэтому уверенность в завтрашнем дне для него была превыше всего.

Когда я попросила разрешения изучать латынь, он погасил это пламя со всем профессионализмом пожарного. Был ли отец против женского образования? Да. Переживал ли, что я подпаду под влияние монахинь и уйду в монастырь, вместо того чтобы выйти замуж и осесть по соседству? Возможно. Прошла ли мимо него история о том, как отец Джона Мильтона, распознав в парне гения, нанял ему преподавателей греческого и латыни и тот занимался с младых ногтей? Очевидно. Напугали его мертвый язык? Да! Когда мой отец был подростком, он сменил три школы, потому что его отовсюду выгоняли. И тогда бабушка отправила его к своему брату в Онтарио: тот почти закончил иезуитскую семинарию, но в последнюю минуту вдруг передумал давать обет (как говорится, дал деру) и вернулся в Онтарио разводить свиней. Дядя Джим обучил отца некоторым вещам, а отец передал их нам, например как правильно кормить лошадь яблоком (на открытой ладони), а еще поведал нам миф о Сизифе. Боги приговорили его вкатывать в гору огромный камень, который потом скатывался, и ему приходилось начинать все сначала. Это звучало как весьма суровый жизненный урок. Интересно, а за что давали бы статуэтку в виде Сизифа? За всё новые

и новые попытки, несмотря на поджидающую неудачу? За неугасающую надежду? Упорство в обычной жизни? Как бы то ни было, отец ассоциировал древние языки с наказанием: вечными муками Сизифа в Тартаре или временным изгнанием несовершеннолетнего правонарушителя в дом его предков по материнской линии в сельской глуши Онтарио. Именно поэтому, когда монахини пригласили меня в свой субботний клуб любителей латыни, он сказал: «Ни за что». И я упустила свой первый шанс выучить латинский в том возрасте, когда мозг еще впитывал все как губка.

В колледже я еще год изучала французский, а потом бросила. На предпоследнем курсе я занялась лингвистикой и снова загорелась желанием выучить латынь. Приближался выпускной, нужно было решать, что делать дальше. И тут я вдруг поняла, что все четыре года, потраченные на гуманитарные науки, были восхитительным абсурдом, узаконенным побегом из реальной жизни, побегом от Ричарда Никсона и войны во Вьетнаме, откладыванием карьеры и нежеланием брать на себя ответственность. Я собиралась изучать латынь, мертвый язык, просто ради ее непрактичности. Я хотела познать всю прелесть жизни законченного ботаника. Но мой профессор лингвистики Уитни Болтон меня отговорил. «Латынь, — сказал он, — сгодится только для того, чтобы лучше понять английский язык». Я даже не подумала спросить у него, а что тут такого (не забывайте, многие лингвисты считают, что в нас с рождения «прошито» умение усваивать язык, то есть

мне не нужна латынь, чтобы говорить по-английски). Профессор Болтон, который мне нравился (у него были круглая голова и короткая стрижка, как у Энтони Хопкинса в роли Ричарда Львиное Сердце в фильме «Лев зимой»), сказал, что лучше изучать живой язык, на котором я смогу общаться во время путешествий. (Откуда он узнал, что я хотела путешествовать?) А на латыни говорят только в Ватикане. Так что я утолила жажду знаний, взяв годовой курс немецкого. С тех пор я много где путешествовала, но только не по Германии, хотя Октоберфест наверняка развязал бы мне язык. Впрочем, немецкий и правда помог мне лучше понять английский.

Моя страсть к мертвым языкам дремала примерно до 1982 года нашей эры. К тому моменту я уже около четырех лет работала в «Нью-Йоркере» и с усердием осваивала принятые там правила, чтобы стать выпускающим редактором. Я прошла долгий путь, дослужившись до сотрудника отдела внесения правок, где смогла увидеть, чем занимаются другие, и изучить разные редакторские привычки и навыки. Отдел внесения правок, который теперь уже давно заменен текстовым редактором Word, тогда можно было описать как печень редакции «Нью-Йоркера». Правки, словно вещества в организме человека, поступали в него на обработку отовсюду: от редактора текста, его автора и главного редактора (тогда это был Уильям Шон), от Элеанор Гулд, знаменитого грамматиста «Нью-Йоркера», от корректоров, отдела проверки фактов и адвоката, работающего с исками по клевете, а мы вносили те изменения, которые одобрил редактор,

в чистовик, отфильтровывая все ненужное, и отправляли сверенные гранки по факсу (в то время это было новейшее достижение техники) в типографию. Скоро приходили исправленные страницы. Как же мы были рады, когда удавалось вовремя заметить ошибку, а значит, избежать позора.

Как-то в выходные я посмотрела фильм «Бандиты во времени». В этой картине, снятой Терри Гиллиамом, группа карликов путешествует во времени в поисках сокровищ. В одной из «древнегреческих» сцен снялся Шон Коннери в роли Агамемнона. Он сражался с воином с головой быка, похожим на Минотавра. Могучая фигура Шона Коннери в доспехах выгодно подчеркивала суровый засушливый пейзаж; зрелище было настолько ярким, что мне сразу захотелось туда поехать. И неважно, что Минотавр был с Крита (его лабиринт находился в Кноссе, около Ираклиона), а Агамемнон родом с Пелопоннеса (он и его брат Менелай были сыновьями Атрея, сына Пелопса, в честь которого полуостров и получил свое название). Величие Шона Коннери затмило в моих глазах все огрехи сценаристов, касающиеся мифологии. А еще я не знала, что виды Греции были сняты в Марокко.

Этот фильм оживил в моей памяти исследование по географии, которое я делала в начальной школе. Мне в пару назначили мальчика по имени Тим, клоуна нашего класса, и дали задание подготовить доклад о Греции. Мы (в основном я) придумали постер, изобразив основные продукты, которыми славится эта страна. Меня тогда поразило, что настолько сухая и каменистая почва (такая же, какую

я потом видела в кино: ни единой травинки, никакой зелени, больше коз, чем коров) может давать оливки и виноград, из которых потом делают масло и вино. Меня очень впечатлил тот факт, что суровая земля производит такие роскошества.

На следующий день после моего похода на «Бандитов во времени» я сказала своему начальнику Эду Стрингему, что хочу поехать в Грецию. Эд был известен своим эксцентричным расписанием и скрупулезным отношением к делу, а еще он гениально советовал, что бы почитать. Он приходил на работу около полудня, усаживался в потрепанное кресло возле наглухо закрытого окна и сидел там, пыхтя сигаретой и потягивая кофе из ближайшей забегаловки. Иногда к нему заходила его подруга Беата — она была знакома с У. Х. Оденем¹ (которого звала просто Уистеном) и Бенджамин Бриттеном². Иногда заглядывал поболтать Аластер Рейд, шотландский поэт и переводчик Борхеса. За чтением Эд обычно засиживался в офисе до часу или двух ночи. Мой младший брат, изучавший музыку, подрабатывал по ночам уборщиком в бизнес-центре и заходил к Эду поболтать о Филипе Глассе³ и григорианских хорах.

Когда Эд Стрингем услышал, что я хочу поехать в Грецию, он пришел в восторг. На стене кабинета висела карта

¹ Уистен Хью Оден (1907–1973) — выдающийся американский поэт британского происхождения, лауреат Пулитцеровской премии.

² Бенджамин Бриттен (1913–1976) — британский пианист, дирижер и один из крупнейших композиторов XX века.

³ Филип Гласс (род. 1937) — видный американский композитор и пианист второй половины XX века.

Европы, и Эд показал, где успел побывать за время своего первого путешествия туда. Сконфуженно он рассказал, что поехал в круиз, стремясь получить общее впечатление о регионе, и посетил Афины, Пирей, Крит, Санторини (этот остров называют также Тира), Родос и Стамбул. Впоследствии Эд возвращался в Грецию много раз, исследуя Салоники и монастыри Метеоры на севере; Янину и Игуменицу на западе, по дороге к Корфу, и средний из трех оконечностей полуострова Пелопоннес — Мани, где кровная месть бушевала между кланами на протяжении поколений. Он указал на Афон, полуостров, где живут православные монахи и куда не допускают женщин (и даже кошек). Потом он взял с полки тоненькую книжечку в мягкой обложке, «Современный учебник греческого языка для начинающих» Дж. Принга, наклонился над ней так низко, что его глаза оказались всего в нескольких сантиметрах от страницы, и начал переводить.

— Вы умеете читать по-гречески? — поразила я. Мне никогда не приходило в голову, что можно освоить язык, в основе которого лежит другой алфавит.

— Конечно, — ответил он, выпрямляясь и усиленно моргая, чтобы расслабить утомленные чтением глаза.

Увидев, как легко Эд разделался с греческим, я вспомнила Хелен Келлер¹: греческий язык можно понять! Он может быть вовсе не таким сложным, как в знаменитом

¹ Хелен Келлер (1880–1968) — американская политическая активистка, в детстве потерявшая слух и зрение, но тем не менее получившая высшее образование и написавшая более десяти книг.

высказывании Каски из шекспировского «Юлия Цезаря»: «А что меня касается, то для меня это была греческая грамота»¹. Эти буквы поддаются расшифровке, и передо мной было доказательство. Ребенком я обожала читать и писать, подбирать буквы к звукам, составлять слова, расшифровывать надписи на ресторанах и читать этикетки на банках с горошком — подбирать ключик к грамоте. После пресной диеты, состоявшей из произведений английских и американских авторов, которых я изучала в колледже и аспирантуре, я по-прежнему получала наслаждение от фонетического метода обучения чтению и азов синтаксиса. А теперь у меня был шанс и вовсе начать с самого начала, с совершенно нового алфавита. Я была крайне взволнована. Как будто бы я снова оказалась в пятом классе и папа сказал «да»!

Вскоре Эд стал моим наставником во всем, что касалось греческого. Во-первых, рассказал он мне, существуют две главные формы современного греческого языка: демотика (стандартный вариант, на котором говорят сегодня) и кафарэвуса (пуристская версия, разработанная греческими интеллектуалами в начале XIX века, чтобы связать

¹ Перевод И. Б. Мандельштама. Цит. по: Шекспир В. Избранные произведения. М. – Л. : ГИХЛ, 1950. В оригинале: It was Greek to me. Аналогом этой английской идиомы является русское выражение «китайская грамота», означающее нечто сложное для понимания.

живой язык с его славным прошлым). До семидесятых годов кафареvуса являлась официальным языком Греции, ее использовали в правовых документах и СМИ, хотя сами греки редко на ней говорили. Мне предстояло найти себе современный греко-английский словарь и школу, где преподают демотический греческий.

Безусловно, я могла поехать в Грецию и не выучив язык, но постоянно вспоминала, как во время своей первой авантюрной поездки за границу, в Англию, где, по идее, не должно быть никакого языкового барьера, я вдруг почувствовала себя чужой. В Лондоне я не знала, как мне говорить: *elevator* или *lift*¹, *apartment* или *flat*². Я чувствовала себя предательницей, когда выбирала британские слова. А еще никто не отменял произношение: мне было как-то неловко произносить «ш» вместо «ск» в слове *schedule*³. Куда бы я ни пошла, во мне сразу угадывали американку. В Греции я бы чувствовала себя чужой вдвойне. Именно поэтому я записалась в Школу непрерывного обучения при Нью-Йоркском университете. И выбрала курс современного греческого языка, который мне оплатил «Нью-йоркер». (Журнал регулярно оплачивал обучение своих сотрудников, которые посещали курсы, имеющие отношение к работе.)

¹ Лифт (*англ.*); первое слово — американский вариант, второе — британский.

² Квартира (*англ.*); первое слово — американский вариант, второе — британский.

³ Слово *schedule* («расписание») произносится с начальным звуком «ш» в Британии, американцы начинают его со звуков «ск».

Глава 4

Дорогая Деметра

Когда в 1970 году я уезжала из Кливленда в колледж, я была как запечатанная бутылка молока: цельная и непроницаемая для опыта. Когда меня спрашивали, откуда я родом, я говорила: со Среднего Запада. Если расспросы продолжались, я говорила: из штата Огайо. И если интерес по-прежнему не был утолен, я сообщала, что родилась в Кливленде. На Западной стороне. Рядом с зоопарком. С Кливлендом связана одна примечательная история: этот город печально известен тем, что там загорелась река¹. Местные диджеи называли его «лучшей локацией в истории нации». Мы же — «недоразумением на озере».

Я ходила в католическую среднюю школу для девочек. К тому времени, как мне исполнилось восемнадцать, я успела побывать не дальше Детройта на западе,

¹ Река Кайахога загоралась больше десяти раз из-за плавающих в ней масел и мусора, что привлекло внимание американской общественности к проблеме промышленного загрязнения.

Колумбуса на юге и Ниагарского водопада на востоке. Озеро Эри было моей самой северной точкой. Я спала и видела, как буду учиться в школе-интернате в Швейцарии, освою французский, немецкий, итальянский. Колледжи Рэдклифф, Смит и Уэлсли¹ были из области фантастики. Мой отец мог позволить себе отправить меня разве что в один из государственных университетов штата Огайо. А еще он хотел, чтобы я осталась в Огайо. Я же была полна решимости сбежать отсюда.

Когда я училась в старших классах средней школы, один мой друг, который в тот момент изучал колледжи для поступления, сказал мне: «Тебе следует пойти в Ратгерский университет — он славится своей кафедрой молочного дела». У меня тогда был пунктик насчет коров. Эти неспешные создания с материнскими инстинктами вызывали в моем воображении сцены из пасторальной жизни. Мое нежное к ним чувство распространялось на все аспекты молочной промышленности: амбары, силос, молоко, сыр, картины с изображением коров. В конце концов я даже начала водить молочный фургончик в Кливленде — это была моя лучшая в жизни работа (фасовка моцареллы на сырном заводе в Вермонте была худшей, а редактирование текстов в «Нью-Йоркере» — самой продолжительной).

Будучи подростком, я мечтала о том, чтобы завести трех коров и одного бычка на молочной ферме, где много

¹ Они входят в ассоциацию старейших и наиболее престижных женских колледжей восточного побережья США «Семь сестер».

зелени и нетронутая природа, предпочтительно в Вермонте (изначально моя мечта простиралась до Садового штата¹).

Ратгерский университет, хотя по его названию и кажется, что он входит в Лигу плюща², является основным государственным университетом Нью-Джерси, и обучение в нем стоило всего на 200 долларов за семестр больше, чем в каком-нибудь государственном университете штата Огайо. Эту сумму я могла скопить сама, подрабатывая после учебы (я приклеивала ценники на одежду в магазине уцененных товаров «У дяди Билла»). И я подала заявление в Дуглас, женский колледж Ратгерского университета.

Мой отец смягчился, и осенью 1970 года мы отправились на восток по Пенсильванской магистрали. Мы добрались до Норристауна и остановились на ночь в «Короле Пруссии» (меня всегда радовали подобные названия), а утром поехали по магистрали Нью-Джерси в Нью-Брансуик. Доставив меня в студенческое общежитие, отец обнял меня за плечи, быстро клюнул в щеку и сказал: «Не люблю долгих прощаний». Он слегка запрокинул голову, чтобы я не видела его навернувшихся слез. Мне тоже было грустно, но это был поворотный момент: я добилась того, чего хотела, и ни капельки не жалела.

¹ Прозвище Нью-Джерси.

² «Лига плюща» (The Ivy League) — объединение восьми элитных американских университетов, семь из которых были основаны еще до обретения Штатами независимости.

На Джордж-стрит находились «Продуктовый магазин Дейва» — весьма незатейливое название для бакалеи — и какой-то ветхий домишко с растениями пурпурного цвета, росшими на крыльце. Они напоминали сирень, но ведь она цветет только весной. В каком зачарованном, диковинном месте я очутилась! Сиреневый цветок оказался глицинией — она продолжает цвести, если ее обрезать. С тех пор я не раз вдыхала ее аромат на Капри и Корфу, ела¹ на острове Мартас-Винъярд и даже посадила собственную лозу на Рокавее, где она оплетает мое бунгало.

Но самое интересное в моем побеге из Огайо заключалось в том, что у многих уроженцев Нью-Джерси были друзья, которые отправились в противоположном направлении. «В Огайо полно хороших учебных заведений, — говорили они. — Есть Оберлинский колледж, Хайремский колледж, Западный резервный университет Кейза. Почему ты приехала сюда?»

Во-первых, в Нью-Джерси был океан. А я никогда до этого не видела океан. Я больше ничего не знала об этом штате, я думала, что его столица — Атлантик-Сити². Мой новый друг, ужаснувшись, что я никогда не была на океане, взял у кого-то машину и отвез меня в Эсбери-парк³. Я помню, в какой трепет меня повергло осознание, что океан где-то на востоке. В Кливленде

¹ Обжаренные семена этого растения можно употреблять в пищу.

² Столица штата — город Трентон, а Атлантик-Сити — курортный город на побережье, известный своими казино.

³ Город в штате Нью-Джерси, славящийся пляжами.

большая вода всегда была на севере. Изменилось мое мироощущение относительно всего континента!

Моим первым курсом по английскому языку в Дугласе были «Автобиографии», мы начали с поэтических сборников Сильвии Плат¹: «Колосс» и «Ариэль». Ее самоубийство меня разозлило. У меня было ощущение, что меня, первокурсницу, знакомят с чем-то безобразным; я узнала, что такое отчаяние. Ее публиковали, она училась в Смит-колледже, вышла замуж за симпатичного британского поэта², у них родились дети — у нее было все. Но она, кажется, так и не сумела оправиться после смерти отца³. Читая ее стихи, я не могла отделаться от мысли, что как будто должна сопереживать ее стремлению к смерти.

Вторая книга, которая оказала на меня большое влияние, называлась «Воспоминания о католическом девичестве» Мэри Маккарти⁴. Она была не согласна с мнением, что должен существовать какой-нибудь бог, потому что кто-то — или что-то — сотворил Вселенную: разве сложно представить, что все это время Вселенная существовала сама по себе? (Наверняка у этой ереси уже есть название.) Меня ужаснули некоторые вещи, которые писала Мэри Маккарти. Хорошо, она не верила в Бога, но неужели

¹ Сильвия Плат (1932–1963) — американская поэтесса и писательница, чьи произведения носят автобиографический характер.

² Плат была замужем за выдающимся поэтом и детским писателем Тедом (Эдвардом Джеймсом) Хьюзом (1930–1998).

³ Плат на протяжении долгого времени страдала клинической депрессией, а также тяжело переживала измену мужа.

⁴ Мэри Маккарти (1912–1989) — американская писательница, литературный критик и политическая активистка.

нужно было непременно оскорблять его? Я бы оставила себе пути для отступления. Я поделилась этими мыслями на уроке и, когда профессор сказал, что он сам атеист, была в шоке. Он мне успел понравиться, но я была католичкой — как же мне теперь испытывать симпатию к атеисту?

На обратном пути в общежитие я поймала себя на том, что молюсь. Это моя привычка, способ поговорить с самой собой, не чувствуя себя при этом безумной. «Боже, пожалуйста, не лишай меня веры в тебя». Перед следующим занятием у меня случилось озарение. Разве непогрешимость, согласно которой Папа не может ошибаться в вопросах веры, потому что он непосредственно подчиняется Богу, не столь же абсурдна, как уверенность императора Японии в своем происхождении от солнца? Вся моя система взглядов вдруг рухнула: Отец, Сын и Святой Дух. (Может, именно от этого меня старался оградить отец, не желая отпускать из Огайо?) В любом случае я вдруг обнаружила, что человек может называть себя вслух атеистом, но при этом утверждать, что, говоря словами из Катехизиса, Римско-католическая церковь является единственной настоящей святой католической и апостольской церковью.

Бутылку молока распечатали.

Вскоре я уже записывалась на курсы с такими экзотическими названиями, как астрономия, экзистенциальная философия и мифология. Я бросила астрономию (слишком много математики) и ушла с головой в экзистенциализм,

но именно мифология стала для меня откровением. Ее читала профессор Фрома Цейтлин, которая задавала нам выдающиеся произведения: «Орестею», Гомеров «Гимн к Деметре», работы Клода Леви-Стросса, чей антропологический подход к мифу является основой структурализма, Мирчи Элиаде, румынского историка религии, и Карла Юнга, швейцарского психиатра, который разработал теорию архетипов.

Профессор Цейтлин только начинала свою преподавательскую карьеру, но у нее сразу появилась поклонница. Фрома Цейтлин была вдохновенным лектором и читала курс по мифологии так, что искры летели. В 1976 году она переехала в Принстон, где преподавала в течение нескольких десятилетий. Она получила известность благодаря своему подходу к античной литературе, с которым мне посчастливилось познакомиться еще будучи на втором курсе («Вы учились у Фромы Цейтлин?» — с благоговением в голосе спросил меня спустя годы один филолог-классик). Особенно красноречиво она рассказывала нам о Великом круге (круговороте жизни и смене времен года), а также о матери-земле Гее, когда разбирала с нами миф о Деметре и Персефоне и связанные с этим мифом Элевсинские мистерии.

Посвященные в обряд мистерий шли процессией из Афин в Элевсин по священной дороге, вдоль которой располагалось множество гробниц. Никто точно не знает, какими именно были эти мистерии, но они были как-то связаны со смертью. Элевсин был центром поклонения

Деметре, богине плодородия. Среди греческих богов она была матушкой-природой. Ее дочь Персефону, которую часто называли Корой (что означает просто «девушка»), похитил Аид и увез в подземный мир. Ее изнасиловали и похитили — и никто ничего не мог с этим поделать. В исполнении профессора Цейтлин это прозвучало как нечто неизбежное: «Девы всегда оказывались достаточно зрелыми для принесения в жертву». Я была девственницей, и, как и многим моим однокурсникам, мне не терпелось расстаться с этим сокровищем, но я никогда не думала об этом в таком ключе.

Потеря дочери обернулась для Деметры настоящей трагедией: у нее больше не было сил заниматься вопросами плодородия. Никому не удавалось ее утешить, из-за чего страдали и простые смертные. Если матушка-природа не родит зерна, если ничто не растет и ничто не цветет, никто ничего не ест. Горе Деметры привело к голоду. Зевс и остальные боги вдруг поняли, что, если люди вымрут, никто им не будет поклоняться. Боги очень эгоистичны, и поэтому Зевс разрешил невесте поневоле вернуться к маме. Но не все оказалось так просто: прежде чем Персефона покинула царство мертвых, Аид заставил ее съесть несколько зерен граната. Кажется, раньше я и не слышала о таком фрукте. Это красный шар с множеством зернышек, их там непристойное количество — не фрукт, а сплошное семя. Так как Персефона отведала граната — «взяла его семя в рот», — она была вынуждена вернуться в подземный мир.